

№ 10 (216)
октябрь

2014

Не в силе Бог, а в правде.

АЛЕКСАНДРО-НЕВСКИЙ ВЪСТНИКЪ

Газета Александро-Невского собора города Барнаула. Печатается по благословению
Преосвященнейшего Сергия, епископа Барнаульского и Алтайского

Фестиваль
детского творчества
«С Богом!»

Фото Н. Кимайкиной

ЭТИ ТОРЖЕСТВА – РАДОСТЬ О СОВЕРШИВШЕМСЯ И НАШЕ ЧАЯНИЕ О ГРЯДУЩЕМ

Слово, сказанное на торжествах,
посвященных 20-летию возрождения Барнаульской епархии.

Всего двадцать лет назад, 26 февраля 1994 года, решением Священного Синода Русской Православной Церкви было принято решение о самостоятельности Барнаульской епархии. Сегодня это время возрождения нашей епархии кажется кратким сроком. Но годы эти были особыми не только для нашего региона, но и для жизни и истории всей нашей Церкви и нашего Отечества. Не случайно именно этот период Святейший Патриарх Московский и всея Руси Кирилл назвал годами «духовного возрождения нашего народа и Русской Православной Церкви».

Для всех верующих людей то, что случилось в эти годы подлинное чудо. Никакими человеческими деяниями нельзя объяснить то, как произошло это чудо – возрождение веры на нашей земле.

Но нельзя забывать и то, что возрождению предшествовали великие падения и испытания...

Земля Алтайская, земля благоденствия, земля деятельности прославленной Алтайской Духовной Миссии в результате трагического надлома духовности, как и вся многострадальная Россия в XX веке становится землей скорбного и мятежного отторжения народа от исторического, культурного и даже государственного первоисточника своего бытия – то есть Святого Православия и Церкви. Говорят, что эти годы были годами, когда брат восставал на брата. Но это вряд ли точно. Это было временем восстания детей на Отца. В результате этого помрачения, казалось, что тьма безверия совершенно поглотила Свет

Истины. Но, как и во времена пророка Божия Илии, Господь великим чудом сохранял и тысячи, и миллионы верных Ему. Верных, даже до смерти. Впереди этого сонма исповедников, мучеников и страстотерпцев было духовенство. Все первые пять епископов, управлявших образованной в 1930 году Барнаульской епархией, приняли мученическую кончину. Более четырехсот священнослужителей и монашествующих Алтая были или казнены или скончались в лагерях и тюрьмах. Когда в нашем регионе уже не осталось ни одного действующего храма и служащего священнослужителя, то простые миряне, являют свою верность Богу и Церкви силой веры, молитвы и праведности. Именно в эти годы был совершен подвиг спасения нашей главной святыни – Казанской (Коробейниковской) иконы Божией Матери.

К 1938 году в Барнаульской епархии не осталось ни одного действующего прихода. В силу чего

Варфоломея (Городцова), духовенства и мирян тех лет на Алтае вновь возрождаются и начинают действовать около 20 приходов. Но послабления эти были временные. Наступили гонения начала 60-х годов. На весь Алтай остается всего три действующих храма... Духовенство и верующие тех лет вновь встают на путь исповедничества, исповедничества через поругания и насмешки, через непонимание и отторжение. А некоторым священнослужителям вновь предстоит по надуманным обвинениям изведать и заключение в темницах, и изгнания. Но веру невозможно, по слову Спасителя, утаить под спудом. Молитвами наших новомучеников, предстательством Божией Матери вера не только не умалается, но утверждается. В 1960-1970-е годы, в праздники храмы Барнаула, Бийска, Рубцовска становятся местом массового паломничества верующих из сел и деревень. Во время этих паломничеств верующие ближе становятся друг другу. Помогают и поддерживают друг друга. Многие из верующих совершают паломничества к общероссийским святыням: в Троице-Сергиеву, Псково-Печерскую и Почаевскую Лавры. Все они осознают себя одним православным народом и одной семьей. К концу 70-х годов благодаря активности прихожан, трудами приснопоминаемого митрополита Новосибирского и Барнаульского Гedeона (Докукина), покойного протоиерея Николая Войтовича, ныне здравствующего архимандрита Ермогена (Росицкого) и многих других предшественников Алтайского духовенства начинают открываться первые общины и строится храмы. Возрожденный приход и начавший строиться храм в г. Славгороде в 1979 году стал не только одним из первых на Алтае,

Храм Александра Невского
г. Бийск, 30-е годы

Барнаульская епархия утратила самостоятельность и была присоединена к Новосибирской епархии.

Но с 1943 года, при послаблении государственных гонений, стараниями подвижника веры митрополита Новосибирского и Барнаульского

но и одним из первых в бывшем Советском Союзе. Затем были открыты приходы в Камне-на-Оби, Алейске, Горно-Алтайске... Ко времени воссоздания Барнаульской епархии, к 1994 году, на территории Алтая было уже более сорока приходов. Знаменательно, что именно в 1994 году было явлено большинству наших верующих чудо обретения Казанской (Коробейниковской) иконы Божией Матери. Именно в том году, двадцать лет назад, святыня была возвращена в свой родной храм, в село Коробейниково, где чуть позже был образован мужской монастырь. Явление обновленной святыни, ее нетленной красоты словно предвозвещало восстановление всей полноты духовной жизни в нашем регионе.

Первым управляющим нашей епархией стал епископ Антоний (Масендич). Из минувших двадцати лет это были едва ли не самые сложные годы восстановления. В городах и весях образовывались православные общины. Но не было даже временных помещений для богослужений. Остро не хватало духовной литературы, даже богослужебных книг. Именно тогда для создания образованного местного духовенства было воссоздано Барнаульское духовное училище. И именно в те годы было создано большинство приходов и монашеских обителей, теперь уже действующих не только в Барнаульской, но и уже самостоятельной Горно-Алтайской епархии.

В 2002-2013 году Барнаульскую епархию возглавлял епископ Максим (Дмитриев). В эти годы продолжали восстанавливаться и строиться новые храмы. В 2006 году Барнаульское духовное училище получает статус семинарии. Совершенствуется деятельность приходских воскресных школ. Крепнет взаимодействие со светскими образовательными структурами. Укрепляется дисциплина пастырского служения, совершенствуется работа епархиальных структур, в епархии начинает действовать видеостудия «Благословенный Алтай». Расширяется миссионерская работа через интернет-ресурсы.

На сегодняшний день в епархии более двухсот общин, более двухсот священнослужителей. В епархии действует Барнауль-

ская Духовная семинария. При семинарии имеется Регентская школа, Катехизаторское училище, подготовительное отделение для старшеклассников. Созданы епархиальные структуры образования и катехизации, социального служения, миссионерства, работы с молодежью, взаимодействия с военными и многие другие. При этом Барнаульская епархия проводит в сотрудничестве с государственными и местными органами власти многочисленные конкурсы и фестивали певческого, театрального, художественного искусства. Расширяется участие в научных конференциях, семинарах, форумах взаимодействия с общественными организациями.

Хочется особо отметить, что вся эта деятельность на протяжении минувших лет была бы просто невозможна без самого доброго и искреннего взаимодействия с местными государственными и муниципальными органами власти, правоохранительных структур, органов образования. Поэтому пользуясь случаем, мне хотелось бы произнести самые искренние слова благодарности всем нашим соратникам и выразить всем искреннюю благодарность за это сотрудничество в лице нашего губернатора — многоуважаемого Александра Богдановича Карлина. И выразить надежды, что наше взаимопонимание и сотрудничество будут все больше расширяться и углубляться на пользу всем жителям нашего Алтайского края.

Думается, что эти итоги, эти наши усилия и плоды деятельности заметны всем жителям нашего Алтайского региона. При собственном многократном общении с нашим народом могу свидетельствовать, что наши земляки: и простые люди, и представители власти, и творческая, и научная интеллигенция — обращены душой к православию.

Со смирением будем просить благословения и милости у Всемогущего Бога в дни Торжеств, посвященных 20-летию возрождения Барнаульской епархии. Ибо эти Торжества — не только радость о состоявшемся и совершившемся, но более того, эта наше чаяние о грядущем, о дальнейшем возрождении Света и Истины — Святого Православия на нашей Алтайской земле.

19 октября 2014 г.

ИЗ ИСТОРИИ БАРНАУЛЬСКОЙ И АЛТАЙСКОЙ ЕПАРХИИ

Православие пришло на Алтай вместе с первыми русскими поселенцами. Первые деревянные храмы появились в первой половине XVIII века и находились в ведении Тобольской епархии. Первый каменный храм — Петропавловский собор — был построен в Барнауле в 1774 году.

Православие среди коренного населения алтайской земли стало распространяться и утверждаться благодаря деятельности Алтайской духовной миссии, основанной в 1830 году преподобным Макарием (Глухаревым). Центром миссии стал город Бийск, сделавшийся центром Бийского викариатства.

Революционными бурями XX века жизнь православных приходов на Алтае и деятельность духовной миссии были разрушены, большинство приходов, школ, библиотек прекратили свое существование. В 1920-1930-х годах все монастыри, миссионерские станы, часовни были закрыты, большинство — разорены и уничтожены.

С 1834 года алтайская земля вошла в Томскую епархию. В 1924-1929 годах викариатство входило в Новосибирскую и Барнаульскую епархию.

В 1930 году была образована самостоятельная Барнаульская епархия, но в 1938 году епархия была упразднена и ее земли вошли в состав Новосибирской.

Возрождение Православия и миссионерской деятельности на Алтае началось в конце 1980-х. По всему Алтаю начали строиться и восстанавливаться храмы, создаваться приходы, возрождаться и возвращаться для всеобщего почитания святыни. Большую роль в возрождении православия на Алтае сыграл визит в 1991 году патриарха Московского и всея Руси Алексия II в Барнаул и Бийск. В краевом центре патриархом было освящено место под строительство Александро-Невского собора, а также была возвращена верующим Никольская церковь.

Самостоятельная Барнаульская епархия была возрождена решением Священного Синода Русской Православной Церкви от 26 февраля 1994 года.

2 октября 2013 года из состава епархии была выделена самостоятельная Горноалтайская епархия, после чего в ведении Барнаульской кафедры остались только районы Алтайского края.

По страницам
православных энциклопедий

РЕКА ВРЕМЕН

XX век по праву считается исследователями самым трагичным периодом существования Русской Православной Церкви. Никогда в своей истории она не подвергалась со стороны официальной власти таким гонениям. Правительство большевиков стремилось не только уничтожить верхний слой церковной иерархии, но и полностью разрушить все ее структуры.

Уже Временное правительство летом 1917 г. рядом актов сделало решительный шаг в сторону создания внеконфессионального государства: 20 июня вышло постановление о передаче церковно-приходских школ и учительских семинарий в ведение Министерства народного просвещения.

Следующий удар по православной Церкви на Алтае, как и по всей стране, нанес Октябрьский переворот 1917 г. Деятельность органов советской власти привела к полному упадку дела духовного просвещения и окормления.

Годы гражданской войны принесли некоторое облегчение в финансовом положении церкви, так как в конце 1919 — начале 1920 г. Временным Сибирским правительством был возвращен принцип централизованного содержания Церкви. Однако лояльное отношение Церкви к белому движению дорого стоило алтайскому духовенству. С приходом войск большевиков это повлекло за собой разграбление части приходских церквей и притеснения местного духовенства вплоть до кровавых расправ над ними во время партизанских налетов и зачисток, проводимых Красной армией.

В течение 1920-1930-х гг. советская власть последовательно проводила политику на уничтожение религиозных общин под любыми «законными» предлогами.

В начале 1923 г. появилась инструкция о порядке регистрации религиозных общин, в соответствии с которой конфискация храма могла произойти в случае, если «в двадцатке состоят антисоветские элементы» или «если здание требуется для иных нужд».

В начале 1929 г. при Президиуме ВЦИК была создана Постоянная комиссия по вопросам культов, которая стала высшим органом советской религиозной политики. Комиссия должна была контролировать и руководить религиозной жизнью на территории Советской России. В республиках, краях, областях и районах были созданы низовые отделы комиссии. Вся религиозная жизнь окончательно ставилась под полный контроль государства.

Новое наступление на Церковь начинается в середине 1930-х гг. Как показывают некоторые секретные документы, изъятие церковных ценностей не ограничилось кампанией 1921-1922 годов и возобновилось с новой силой в 1930-е гг. В это время начинается повсеместная конфискация

колоколов (под предлогом недостатка меди для программы индустриализации). Кроме того, было инициировано изъятие оставшихся церковных ценностей «на нужды государства», в том числе и икон. Изъятие колоколов и запрет звона оправдывались официально введением в 1929 г. непрерывной рабочей недели и «нуждой государства в меди для индустриализации». На Алтае кампания по сбору церковной бронзы проходила летом-осенью 1935 г.

В 1920-1921 гг. только в Барнауле были закрыты: Богородице-Казанский женский монастырь с тремя церквями и школой для девочек, Свято-Димитриевская домовая церковь, которая располагалась рядом с губкомом РКП(б), гимназический и тюремный храмы.

Интересен факт, что именно в это время, в 1923 г., по благословению находящегося в ссылке в Туркестане епископа Томского Андрея (Ухтомского), Лука (Войно-Ясенецкий) был рукоположен во епископа Барнаульского, викария Томской епархии. Известно, что епископ Лука имел твердое намерение отбыть из Ташкента в Барнаул, и только последовавший арест не позволил будущему святому прибыть к несению церковного служения в городе Барнауле.

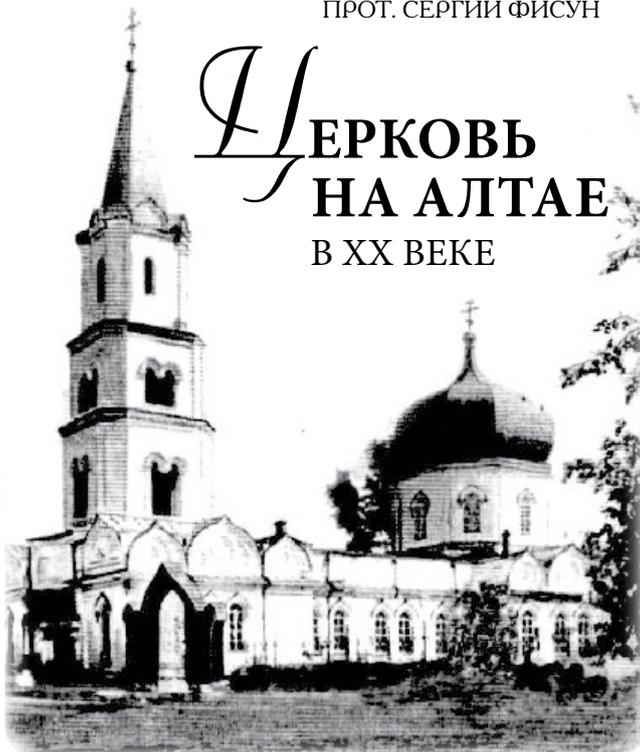
В 1924-1929 гг. Барнаульское викариатство входило в Новосибирскую епархию. В 1930 г. была образована самостоятельная Барнаульская епархия. Однако это время стало временем самого сильного гонения на Церковь за все годы советской власти: небывалое административное и идеологическое давление, переходящее в психологический террор, налоговый пресс, обнищание приходов, репрессии в отношении священнослужителей и верующих.

В целом до революции примерно на каждые одну-две тысячи жителей приходился священник и приход. Общее число храмов в России составляло около 35000. В Алтайском округе — около 500 приходов, на территории современного Алтайского края почти 400 приходов. По данным Уполномоченного по делам РПЦ при СНК СССР по Новосибирской области за 1931-1937 гг. на Алтае было закрыто 185 православных церквей. За 1938-1939 гг. постановлениями вновь созданного Алтайского крайисполкома прекратила деятельность еще 161 православная община. Кроме того, до 1936 г. были закрыты все храмы Горного Алтая, коих число 31.

В 1938 г. Барнаульская епархия была упразднена и ее территория на несколько десятилетий вошла в состав Новосибирской епархии. Все епископы Барнаульской епархии, несшие послушание в 1930-е годы, приняли мученическую смерть. Александр (Бялотор) был расстрелян в 1933 г. в Ейске, епископ Герман (Кокель) был казнен в 1937 г. уже будучи епископом Благовещенским. Епископ Тарасий

ПРОТ. ГЕОРГИЙ КРЕЙДУН
ПРОТ. СЕРГИЙ ФИСУН

ЦЕРКОВЬ НА АЛТАЕ В XX ВЕКЕ

(Ливанов) был лишен жизни в 1933 г., архиепископ Иаков (Маскаев) был расстрелян в феврале 1937 г., а сменивший его епископ Григорий (Козырев) — в августе того же года. Та же участь ожидала практически все духовенство и монашество Алтая.

По общему количеству репрессий — 60 тыс. человек — Алтай входит в первую тройку среди всех регионов России. В эти кровавые годы Алтайская земля обрела новый сонм мучеников и исповедников. В последние годы называлось немалое количество цифр, но общее количество репрессированных в 20-30-е гг. XX столетия достоверно пока не известно. В настоящий момент обнаружены и могут быть точно установлены лишь имена тех репрессированных, которые впоследствии были реабилитированы. Число всех репрессированных, разумеется, больше числа реабилитированных.

- 1919-1930 гг.: всего из репрессированных в те годы реабилитировано 4399 человек. Из них — 135 священно- и церковнослужителей.

- 1931-1936 гг.: всего из репрессированных в те годы реабилитировано 7352 человека. Из них — 145 священно- и церковнослужителей.

- 1937 г.: всего из репрессированных в тот год реабилитировано 14183 человека. Из них — 263 священно- и церковнослужителей (в том числе священников — 170).

Таким образом, 1,2% репрессированных — священники. Между тем, доля священства в общем составе населения была около 0,05% (один священник на две тысячи человек). Следовательно, вероятность ареста священнослужителя была в двадцать с лишним раз выше, чем у обычного человека.

- 1938-1941 гг.: всего из репрессированных в те годы реабилитировано 3803 человека. Из них — 63 священно- и церковнослужителей.

В 1939 г. из всех архиереев в Советском Союзе осталось лишь четыре правящих епископа. С 1937 г. по 1942-й на территории Сибири не было ни одного правящего архиерея, поэтому все сибирские епархии прекратили свое бытие.

Начало Великой Отечественной войны показало, что духовные силы общества не удалось сломить окончательно. Народ сохранил религиозное жизнеощущение. Даже на занятых германскими войсками территориях открывались храмы. Требовалось срочно противопоставить этому свою альтернативу. В борьбе с врагом советским властям пришлось опираться на духовные основы, которые оказались жизнеспособными даже после двух десятилетий последовательного уничтожения. Советская власть в борьбе с противником пытается сделать ставку на патриотические и религиозные чувства верующих, мобилизуя для войны остатки духовных сил народа. Но были на этот счет и другие соображения: сыграло свою роль международное общественное мнение и позиция союзников. Сталин вынужден был выпустить из лагерей оставшихся в живых священников и епископов, открыть уцелевшие храмы, монастыри, церковные школы, издательства. В 1943 г. впервые за советское время был создан Поместный собор Русской Православной Церкви и избран Патриарх.

Это вызвало некоторое оживление жизни церкви: по всей стране начали открываться закрытые ранее храмы. В органы местного самоуправления стали направляться многочисленные прошения от верующих.

Первым правящим Сибирским архиереем, после пятилетнего упразднения церковного правления, был епископ Лука (Войно-Ясенецкий), находившийся с 1937 г. в ссылке на территории Красноярского края. Осенью 1942 г. он был возведен в сан архиепископа с назначением на Краснояр-

скую кафедру, которой управлял до конца 1943 г. Вторым архиереем, назначенным в Сибирь, был архиепископ Варфоломей (в миру Сергей Дмитриевич Городцев; 1866-1956), положивший много трудов для восстановления церковной жизни и открытия храмов. Владыке Варфоломею поручалось управление практически всеми епархиями Сибири, Дальнего Востока и Казахстана.

Именно по благословению владыки Варфоломея 3 сентября 1944 г. было образовано Алтайское благочиние во главе с настоятелем Покровской церкви г. Барнаула, который получил статус благочинного церквей Алтайского края.

С 1943 по 1947 гг. по всей Сибири было открыто девяносто четыре православных прихода. Из них в Алтайском крае было зарегистрировано одиннадцать церквей (семь типовых и четыре молитвенных дома), хотя от верующих края поступило 289 ходатайств об открытии приходов.

Первой в Алтайском крае вновь открывается Покровская церковь в Бийске. Через месяц начинает действовать Покровский храм в городе Барнауле. В 1946 году возобновилось богослужение в храме Михаила Архангела в Рубцовске. В 1947 г. открывается и Успенский храм г. Бийска. В это же время были открыты Димитриевская церковь г. Алейска, Троицкий молитвенный дом в г. Славгороде, Покровский молитвенный дом в г. Камень-на-Оби, Покровская церковь в с. Ново-Перуново (Тальменский район), Троицкий и Покровский молитвенные дома в селах Троицкое и Покровское (Троицкий район), Покровская церковь в с. Плешково (Зональный район).

Однако уже с 1948 г. Советом по делам РПЦ не производилось открытие новых приходов. С этого времени численность храмов в Сибири вновь имеет тенденцию к снижению. Власти осуществляли экономическое давление на приходы. Особо тяжелое материальное положение складывалось в сельских приходах Алтайского края.

Новым этапом испытаний Церкви на Алтае стали хрущевские гонения. Большинство храмов, открытых в военные и послевоенные годы, были закрыты. В 1961 г. в Алтайском благочинии осталось только три действующих храма (в городах Барнауле, Бийске и Рубцовске), в них служило восемь священников. На верующих оказывается давление с целью вынуждения отречения их от веры, многие священнослужители снимались с регистрации уполномоченным по делам религии. Некоторые священнослужители подвергаются открытым репрессиям по ложным обвинениям. Среди осужденных тех лет — будущий духовник Алтайского благочиния протоиерей Михаил Михайловский.

Однако духовная жизнь на уцелевших приходах в 1960-1970-е гг. все же не прекращается. Насколько позволяют обстоятельства, реставрируются и благоукрашаются храмы. Совершенствуется певческое мастерство. А, главное: духовенство и миряне, прошедшие испытания в годы гонений, передают свой опыт веры молодым. В конце 70-х годов при ослаблении репрессивных мероприятий органов власти в ряде районных центров образуются инициативные группы верующих, добивающиеся открытия новых приходов. В период с 1976 по 1985 гг. число приходов возросло с трех до десяти. Именно в это время были открыты приходы в Славгороде, Камне-на-Оби, Алейске. Увеличение числа приходов в период активной антирелигиозной пропаганды «советского застоя» объясняется принципиальной позицией уполномоченного по делам религии в Алтайском крае А.П.Седешева.

Продолжение следует

**По страницам книги
«Барнаульская епархия: 20 лет возрождения»**

СВЯЩЕННОМУЧЕНИК ИАКОВ (МАСКЕВ), архиепископ Барнаульскiй

Гвященномученик Иаков (в миру Иаков Иванович Маскаев) родился 13 октября 1879 года в городе Уральске в семье крестьянина. Был назван в память апостола Иакова Алфеева. В 1901 году Иаков Иванович окончил Оренбургскую Духовную семинарию. Учасъ на последнем курсе, он женился на девице Валентине, которая была круглой сиротой и воспитывалась в семье священника. В 1901 году у них родился сын Борис. Вскоре он смертельно заболел, и отец Иаков, который был уже тогда священником, горячо молился о его выздоровлении. Он обращался в своих молитвах за помощью ко всем святым, но особенно горячо и с большой верой к преподобному Серафиму Саровскому и дал обет, что, если младенец выздоровеет, он совершит паломничество в Саровский монастырь к мощам только что прославленного преподобного Серафима. По чудесном выздоровлении сына он исполнил свой обет и совершил паломничество в Саровский монастырь. Впоследствии у них с супругой родилось девять детей, и она умерла при родах последнего ребенка в 1918 году.

В 1901 году Иаков Иванович был рукоположен в сан священника ко храму в селе Зобово, расположенном в 180-ти километрах от Оренбурга. Отец Иаков неустанно проповедовал, его

усилиями в течение нескольких лет была построена в селе новая церковь. Несмотря на стесненные обстоятельства в средствах и большую семью, отец Иаков был одним из самых щедрых жертвователей в епархии. Горячо отзываясь на призыв Церкви и Отечества о помощи, он активно собирал и пересылал пожертвования на нужды армии и флота во время русско-японской войны 1904-1905 годов. В 1909 году отцом Иаковым было выстроено здание церковноприходской школы в деревне Ворониной.

Во время начавшейся в 1914 году Первой мировой войны отец Иаков вместе со своими прихожанами щедро жертвовали на нужды русских воинов, и пожертвований всегда было больше, чем в каком бы то ни было другом приходе в епархии, хотя они жертвовали не от материального избытка, а от широты милующих сердец, жертвовали всё, что имели.

Среди своих прихожан, а также среди духовенства в епархии отец Иаков имел столь высокий авторитет, что когда пришло время и в Оренбургской епархии было образовано Орское викариатство, он был вызван в Оренбург в качестве кандидата на архиерейскую кафедру.

В январе 1923 года в Оренбурге состоялось собрание духовенства и мирян под председательством епископа Оренбургского Аристарха (Николаевского). На этом собрании абсолютным большинством голосов было решено кандидатом на Орскую кафедру избрать протоиерея Иакова и командировать его в Москву для рукоположения в сан епископа. Узнав желание правящего архиерея и собрания священнослужителей градо-Орских церквей возвести

его в сан епископа, отец Иаков стал отказываться, указывая на то, что на его руках остались дети-сироты, трое из которых в несовершеннолетних годах, причем младшей дочери всего пять лет, а между тем от епископа в настоящий исторический момент требуется прежде всего исповедничество, он должен быть готов к ссылкам и тюрьмам. На все возражения и слезные просьбы отца Иакова пронести мимо горькую сио чашу архиастырского служения и внять сиротству детей ему было сказано, что у Бога нет сирот. Выслушав это, отец Иаков согласился и не стал больше спорить, вручив детей попечению Бога и Матери Божией. Впоследствии все дети дожили до преклонного возраста, пережив летами мученика-отца; они всегда ощущали незримую Божию защиту. Благодать Божия за молитвы священномученика скрадывала тяготы и претворяла печали в радость.

По пострижению в монашество с именем Иаков, в честь апостола Иакова, брата Господня, с днем тезоименитства 23 октября, отец Иаков был рукоположен в сан епископа. После хиротонии епископ Иаков вернулся в Оренбург.

В это время владыка служил каждый день и за каждой проповедью он старался как можно глубже раскрыть содержание Евангелия, но нередко ему приходилось касаться и существа обновленческого раскола. Однажды владыку задержали, когда он ехал на богослужение. Уже начинали звонить к службе, когда его привели в ОГПИ, где кроме сотрудников находились обновленческий священник. Все они стали шумно требовать, чтобы владыка дал подписку, что он перестанет про-

поведовать против обновленцев и вообще будет проповедовать реже. Владыка категорически отказался, сказав, что проповедь — это уставная часть богослужения, а устав он отменить не может. Продержав некоторое время, они отпустили его. В храме между тем не начинали служить всенощную до выяснения всех обстоятельств, и велика была всеобщая радость, когда приехал владыка и началось богослужение.

Видя непреклонность епископа в служении православию и его решительную борьбу с обновленцами, ОГПУ в 1925 году арестовало владыку и приговорило к трем годам ссылки, которую он был отправлен отбывать в город Самару.

После ареста владыки дети его остались без средств к существованию, и в храмах города устраивались тарелочные сборы на «архиерейских детей», причем дети зачастую сами ходили с тарелочкой. Авторитет владыки, любовь паствы к нему, его почитание были столь велики среди православных, что они с охотой и обильно жертвовали сиротам.

По окончании ссылки в 1928 году владыка был назначен епископом Осташковским, викарием Тверской епархии. В Осташкове владыка прослужил около года и 6 февраля 1929 года был назначен епископом Балашовским, викарием Саратовской епархии.

В 1928 году в Балашове была арестована большая группа духовенства, а в 1929 году местные власти снова принялись собирать сведения о священнослужителях и верующих города Балашова. Они видели, что при балашовском соборе собрана дружная община верующих во главе с правящим епископом Иаковом, они обвинили их в том, что те ведут «среди населения агитацию против мероприятий советского правительства и партии, такого рода деятельностью они разлагающе действуют на местное население в селах». Было арестовано пятнадцать человек — священнослужителей, монахинь и мирян. Среди них 12 февраля 1930 года был арестован и епископ Иаков. Всех арестованных поместили в тюрьму в городе Балашове.

13 марта 1930 года следствие было закончено, и владыке было предъявлено обвинение. Ознакомившись с ним, он написал: «В предъявленном мне обвинении виновным себя не признаю, ибо антисоветской деятельностью я не занимался».

9 июня 1930 года Особое Совецание при Коллегии ОГПУ приговорило епископа Иакова к трем годам заключения в концлагерь.

По распоряжению властей епи-

скоп Иаков был отправлен в Соловецкий концлагерь и в конце июня прибыл в пересыльный лагерь в городе Кемь.

Незадолго до окончания срока заключения, 16 декабря 1932 года, Особое Совецание при Коллегии ОГПУ распорядилось отправить епископа на три года ссылки на Урал. Однако каким-то образом потерялись учетные документы, в которых сообщалось, в какой именно лагерь был отправлен епископ. 27 июня 1934 года Свердловское ОГПУ обратилось к своему начальству в Москву с сообщением, что епископ Иаков в Свердловск не прибыл, и просило объявить его во всесоюзный розыск.

Епископ Иаков между тем ни от кого не скрывался, но сразу же после освобождения из лагеря посетил заместителя Местоблюстителя митрополита Сергия и 4 апреля 1933 года получил от него назначение на Барнаульскую кафедру с поручением временно также управлять и Бийской епархией. В 1935 году владыка был возведен в сан архиепископа.

В Барнауле святитель-исповедник сразу стяжал любовь паствы истовым богослужением, проповедями, христианским мужеством, которое напоминало пастве мужество апостолов и первых святителей-мучеников Церкви Христовой. Несмотря на хронические болезни, почти ежедневно проводил службы в кафедральном Знаменском соборе, на которые собирались прихожане не только из Барнаула, но и из окрестных сел. Учитывая, что нет возможности для преподавания Закона Божьего, для богословских и литургических бесед, владыка везде в храмах, где служил, завел всенародное пение, чтобы из сознательного восприятия богослужения научить богословию. Иногда он сам выходил с посохом в руке к народу и давал знак, чтобы пели все. По городу и везде, куда бы он ни отправлялся, он всегда ходил в священнической

одежде и с посохом, хотя в то время уже одно это было исповедничеством, вызывая со стороны безбожников хулу и насмешки. В своей жизни святитель отличался крайней нестяжательностью и для богослужений имел только одно архиерейское облачение. На службы в городские храмы он всегда ходил пешком. В будние дни совершал богослужения по священническому чину, во время праздничных богослужений всегда сам выходил к народу, совершая елеопомазание всех. После окончания литургии всех благословлял, независимо от того, много или мало было народа. В это время у него можно было что-либо спросить и получить ответ. В Барнаул к нему приехала дочь Нина. Она часто видела его молящимся ночью. Просыпаясь в два и в три часа ночи, Нина видела, с каким усердием владыка молился Богу. В эти годы здоровье владыки, сокрушенное заключением в Соловках, сильно пошатнулось, и в 1936 году он в сопровождении дочери выехал на лечение в Одессу. Когда он после непродолжительного лечения вернулся в Барнаул, стало очевидно, что близится новое гонение, и он завел себе сумку, в которой было собрано все необходимое на случай ареста.

Осенью 1936 года НКВД Алтайского края приступило к реализации плана по уничтожению духовенства Барнаульской и Бийской епархии. 23 сентября были арестованы и заключены в тюрьму в городе Бийске благочинный, протоиерей Даниил Носков, и мирянин Гектор Захарьин. 29 сентября был арест-

Богородице-Казанский женский монастырь

станов священник Николай Пальмов. Власти составили обвинительное заключение, в котором, в частности, было написано: «23 сентября 1936 года 4-м отделом УГБ НКВД по Западно-Сибирскому краю в Смоленском районе ликвидирована контрреволюционная повстанческая организация, возглавляемая Барнаульским епископом Маскаевым Иаковом и благочинным священником Носковым Даниилом Матвеевичем.

Деятельностью контрреволюционной организации были охвачены: Смоленский, Алтайский и Грязнухинский районы и города: Бийск и Барнаул. В состав контрреволюционной организации входило 6 оформленных повстанческих ячеек с числом участников 28 человек...

Организация готовила повстанческие кадры для вооруженного выступления против советской власти в момент интервенции...»

Основываясь на лжесвидетельствах, подписанных арестованными обвиняемыми, 29 октября 1936 года власти арестовали архиепископа Иакова и заключили в тюрьму в городе Бийске. Во время длившихся в течение нескольких месяцев допросов архиепископ Иаков держался с большим мужеством и достоинством.

Несмотря на тяжелые условия тюремного заключения и длительность пребывания в узах в условиях неопреде-

ленности, не сулившей ничего доброго, владыка не унывал, подкрепляемый благодатью Духа Святого, дававшего силы переносить все испытания, сколь бы длительны и тяжелы они не были.

Вместе с владыкой в числе других были арестованы священники Петр Гаврилов и Иоанн Можирин, инок Феодор (Никитин) и мирянин Иван Протопопов.

9 апреля 1937 г. выездная сессия Специальной коллегии Западносибирского краевого суда, не найдя достаточных доказательств по предъявленным

обвинениям, постановила отложить слушание дела и отправить его на следствие.

3 июля 1937 года Сталин подписал распоряжение о массовых расстрелах и о проведении дел приговариваемых к расстрелу административным порядком через Тройки. 25 июля 1937 года Тройка НКВД приговорила архиепископа Иакова (Маскаева), протоиерея Петра (Гаврилова), священника Иоанна (Можирина), инока Феодора (Никитина), Ивана Протопопова и других к расстрелу.

Архиепископ Иаков был расстрелян 29 июля 1937 года и погребен в безвестной общей могиле. Вероятно, расстрел состоялся на территории барнаульской тюрьмы НКВД, размещавшейся в бывшем барнаульском Богородице-Казанском женском монастыре.

Причислен к лику святых новомучеников и исповедников Российских на Юбилейном Архиерейском Соборе Русской Православной Церкви в августе 2000 г. для общецерковного почитания.

Игумен Дамаскин (Орловский)

По страницам книги

«Мученики, исповедники и подвижники благочестия

Русской Православной Церкви XX столетия. Жизнеописания и материалы к ним. Книга 5»

Тверь. 2001.

БОЖИИ ЛЮДИ

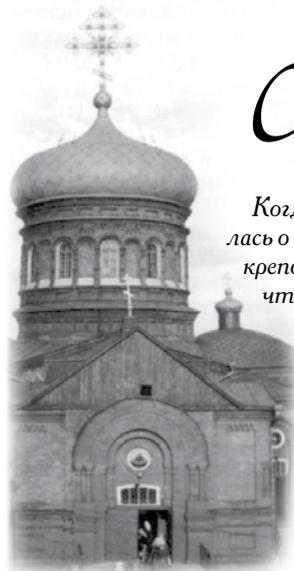
Серафима Савельевна

Когда я была маленькой, то часто слышала от старших о подвигах святых, и всегда задумывалась о том, в какое им пришлось жить хорошее время. Можно было исповедывать Бога и, если ты крепок, совершать подвиги во имя Его. По юности своей я еще не знала, что дело не во времени, что и теперь такие люди живут вокруг меня. Что я с ними знакома и еще много лет буду иметь возможность общаться с ними, незаметно для себя научаясь у них и слову Божию и жизни, в которой будут и гонения, и самоотречения, и различные испытания. В то время все казалось простым и обыкновенным, порой мало что значащим. И только по прошествии десятилетий становится понятным, насколько ценными были те уроки. И тем дороже они становятся, тем с большей любовью вспоминаешь о людях, подавших тебе когда-то пример в жизни.

На весь Алтайский край в то время было три храма: Свято-Покровский кафедральный в Барнауле,

Свято-Успенский в Бийске и Свято-Михайловский в Рубцовске. Несмотря на все гонения, преследования и травлю людей верующих, по селам оставалось все же много «недобитых» христиан. Когда случались большие праздники, то со всех уголков края, как ручейки стекались люди, жаждавшие слова Божия, люди, не имеющие частой возможности слышать наставления священников, присутствовать при богослужении,

приобщаться Святым Христовым Таин. Легко представить себе, с какой радостью, с каким рвением каждый из этих рабов Божиих приезжал в наш город, в главный храм края Алтайского, под Покров Божией Матери. С трепетом поднимались они на высокое крыльцо, как на гору святую, со слезами прикладывались к иконам, со страхом Божиим ставили свечи, а когда уезжали, то целовали двери храма, желая вновь вернуться сюда, когда Господь благословит. Все эти люди были нашими прихожанами, и всех их мы знали в лицо. Для меня тогда это были просто бабушки и дедушки. К сожалению, я не знала имен большинства из них, но лица (а может лики) многих

живы предо мною и сейчас. Они были светлые, не омраченные тяжестью жизни, а она выпала на их годы не легкая, да еще какая нелегкая! Не портили их ни морщинки глубокие, ни пальцы заскорузлые, ни кожа обветренная, ни глаза выгоревшие, в которых море доброты и милосердия, внимания и участия. Лишь иногда внимательному взору открывалась в них горе скрытое, да печаль глубокая. Из таких людей в то время состояли приходы.

Но вот окончена служба, и надо устроиться на ночлег. А куда? И тогда открывались двери верующих барнаульцев. Но сколько может пригласить к себе обычный человек? И не однажды после вечерни можно было видеть притихших паломников, кушающих кусочек хлеба или читающих книгу в церковной ограде. Кто посмелее, тот спросит: «Не знаете, кто примет на ночку?» А других сами спрашивали: «У вас есть, где ночевать?» Так и разбирали всех. Но самым страннопримным был дом Серафимы Савельевны Архипкиной. Стоит он и теперь около храма по пер. Циолковского, но тогда его называли просто Серафимин, и каждый знал, где это. Второй дом от Покровского Собора.

Небольшая комната, еще одна комнатка, малюсенький коридорчик и что-то вроде крошечной кухоньки. Всего не более 30 квадратных метров. Большой стол, две кровати с железными «головками», два сундука, вот и вся обстановка комнаты. Но главным убранством был святой угол, хотя точнее будет назвать, стены, ибо икон было столько, что они не вмещались в угол, а располагались еще по двум стенам, слева и справа от центрального ряда, где находились иконы Спасителя. Кто приходил сюда впервые, застывал на пороге от такого количества ликов, а те, кто бывал здесь не однажды, с радостью крестился у порога, говоря:

- Слава Тебе, Господи, вот и опять я здесь! Мир Вам!

В ответ слышали неизменное:

- С миром принимаем!

- ...Серафима Савельевна, я не одна сегодня. Со мной еще приехала женщина с больной девочкой. Можно ли к тебе?

- Да где ж они?

- Да там, на улице. Вдруг нельзя...

- Да что ж ты, голубушка, делаешь? Беги скорее, приведи их!

А то спросит:

- Чего эт с той больной не идут к нам?

Ей ответят:

- Да она бесноватая...

- Да мы сами-то какие? Ведите, Господь силен.

Другой раз пожалуются, что вши у кого-то или ноги в ранах с червями, сейчас в ход идут керосин или мазь «Вишняковского» (Вишневого, то бишь), да масле со святых мест. Иногда пора человеку отъезжать, а она уговаривает: «Погости у нас, когда еще свидимся? За одним еще послезавтра служба хорошая, где такую увидишь?» Иногда оставались люди надолго, навсегда, до смерти своей. «А куда ж ее больную-то спроваживать? Вот выходим, Бог даст, полегчает, тогда и уйдет». Пока поправляется больной, так с ним сдружаться, что не хочется расставаться. Вот и живут вместе. Иногда такие «гости» хозяйками становились, тогда уж и на кровать к себе никого не пускают, а Серафима Савельевна сама ляжет на пол на дорожку и «хозяйошку» такую к себе зовет: «Иди, милая, сюда. Здесь лучше, никто не мешает, а то пусть на кровати теснятся. А мы давно с тобой не шушукались. Расскажи-ка мне...». Стыдно станет той, что начала лишнее о себе думать, да перейдет к Серафимушке. «Ну вот и хорошо, и ладненько...» - прошепчет Серафима Савельевна. Как-то я почитала ночующих: оказалось 53 человека!.. И не оставял Господь дом сей пуст. Всегда находилось и пропитанье, и тепло, и

приют для всех нуждающихся. Были здесь и монахини, и старцы, и болящие, и «премудрые», и бродяги, и жулики. Но не было случая, чтобы хозяйка кого-то не приютила...

Где кто умрет, ее просили Псалтирь почитать. Вот лежит, болеет, а как придут, потихонечку с койки сползает. Правда сначала скажет: «Ох, и не могу я чей-то, милые. Видно отчитала». А сама уже ноги свесила, да носки шерстяные поправляет. Вот и платок другой подвязывает: ну значит пойдет. Так и ходила чуть не до последнего.

Любила она поминки собирать. Так за счастье люди почитали, чтоб у нее обед справить. Много поминальщиков придет, храм-то рядом, и ведь каждый помолится. За стол сажала без лицемерия: не сортировала людей на богатых-чистых и грязных-нищих. Кто зашел, тот и садится. Она же пыгается все сама приготовить (несмотря что уже за девяносто перевалило давно), да еще добрую долю продуктов от себя выставляет. Начнет человек обижаться: «Зачем, ведь я же своих поминаю?» А она: «Не горюй, милая, и тебе хватит, и мне не откажи в добром деле. У меня ведь много умерших-то». Печь русскую затопит, хлеба испечет, каши напарит, борщ в чутуне поставит. А с самого вечера, всю ночь и до обеда читают все по очереди Псалтирь по усопшему, или о ком память творят. Нас бы так поминали!

Люди, что к ней приходили знали об этих обедах и приносили каждый, что может.

Не зря же люди говорят: «Возле костра не замерзнешь!» Вот и возле Серафимы Савельевны люди оттаивали и, глядя на нее, пыгались подражать ей в добрых делах. Была такая пожилая женщина, почти уже бабушка, Анна Гавриловна. Очень она любила блины для этих общих столов печь. И надо признать, что были эти блины очень хороши: тоненькие да кружевные! Иду я как-то из церкви, смотрю, навстречу Гавриловна бежит. Через плечо связала два узла и в руках по корзинке, а сама чуть не бегом. Я и говорю: «Что так спешите!». А она: «Да вот тороплюсь, боюсь, опоздаю.» - «А что случилось?» - «Да пока ничего. А вдруг? Спешу добрые дела делать, пока могу. Вдруг не смогу потом...» И правда, пришла она, ослепла Гавриловна, не зря спешила добрые дела делать. Нам бы так торопится!

Не верила Серафима Савельевна, когда про других кто-то плохое рассказывал. Сразу остановит: «Хватит пустому-то молот! Ты сама видела? Ну вот и не трезвони! Ишь разговорилась! Ну-ка вон правило почитай лучше. Да еще акафист «Семистрельной», глядишь, сердце-то и помягчает...» Если же сама убедится в том или ином грехе кого-то из знакомых, так покачает головой, да так горестно, будто кого родного в беде узрела. Да еще скажет: «Э-э-х! Голова ты моя удалая...» И всячески пыгалась не огорчать, а приласкать, да уговорить.

До конца дней своих Серафима Савельевна в храме нашем несла клиросное послушание. Лишь последний месяц, когда парализовало ее, она лежала на коечке на спине, и лишь пальцы правой руки шевелились, как бы перебирая четки. Всегда на шее она четки носила, а когда молилась или с кем беседовала, то перебирала их, неслышно творя молитву. Даже когда сонная была, пальцы работали. Были в те времена никому не известные монахи и монахини. Только по смерти их открывалась тайна сия, когда в похоронных вещах находили монашеское одеяние и бумагу, свидетельствующую о постриге. Но Серафима Савельевна, ведя жизнь монашескую, не имела пострига, что никак не умаило ее добрых дел, с которыми она тихо отошла ко Господу на Духов день. Осиротели мы все без нее. Царство ей Небесное! Да упокоит ее Господь во Царствии Своем!

Людмила Ошуркова,
псаломщица Покровского Собора

ВѢСТНИЧЕКЪ

ИННА САПЕГА
**Истории Ветхого Завета
для детей**

Первые люди в раю

СОТВОРЕНИЕ АДАМА

Господь сотворил первого человека в шестой день. До этого Он уже создал небо и землю, отделил сушу от воды, насадил землю зеленой травой и деревьями, создал рыб, птиц и животных. И вот, наконец, Бог творит человека.

Если у тебя есть маленький братик или сестричка, ты знаешь, что перед тем, как ему появится в вашем доме, мама с папой готовили ему кроватку, колясочку, купили новые пеленки, распашонки, разноцветные погремушки, ванночку. Они постарались, чтобы в доме было все, что может пригодиться малышу для того, чтобы он быстрее вырос.

Так и Господь сначала приготовляет этот мир, а затем создает человека.

Итак, Бог сказал: сотворим человека по образу Нашему по подобию Нашему.

Он взял горсть земли, и вдунул в неё дыхание жизни, и вот появился человек с живой душой. И Бог назвал человека Адамом. Это имя значит «земля» или «красная

глина», потому что человек был создан из земли.

А ты помнишь, что еще создал Бог из земли? Правильно, животных!

Животные ближе всего к человеку, но человек их выше, потому что он один создан по Образу и по Подобию Божию.

ПЕРВАЯ ЗАПОВЕДЬ

Бог насадил прекрасный сад с чудесными растениями, чтобы человек жил в этом саду и за ним ухаживал. Сад этот назывался Эдемом. Там росли разные деревья и травы. А посередине располагалось дерево познания Добра и Зла. Это дерево, как ты догадываешься, было особенным.

Бог сказал человеку: кушай плоды со всякого дерева в саду, а от дерева познания добра и зла не ешь. В день, когда съешь плод от него, ты умрешь.

Так сказал Бог Адаму, и это была первая заповедь, данная Богом человеку.

А что такое заповедь, мой друг, знаешь ли ты?

Заповедь — это особое правило поведения. Скажи мне, зачем нам нужны правила поведения?

Конечно же! Правила поведения нам необходимы, чтобы знать как себя вести в разных ситуациях, в разных местах, с разными людьми. Например, мы точно должны знать, что дорогу можно переходить только по пешеходной дорожке и тогда, когда горит зеленый человечек. Если мы не будем это правило соблюдать, мы рискуем попасть под колеса, верно? Значит, правила нам нужны, чтобы жизнь наша была безопасной и радостной, так?

Так вот, и заповеди Бог дает человеку, чтобы научить его жить по совести, в любви и согласии с Богом и другими людьми.

Бог наказал Адаму не кушать плодов с дерева познания добра и зла, чтобы Адам учился Его слышать и слушаться. Это очень важно для человека — уметь слушать голос Божий. А голос Божий есть у каждого из нас даже сейчас — это наша совесть.

Первая заповедь была совсем простой, и человек её вначале легко исполнял.

НАРЕЧЕНИЕ ЖИВОТНЫХ

Господь желал, чтобы человек стал хозяином в этом мире, чтобы ему было радостно жить среди красоты

природы, и чтобы он наслаждался дружбой с живыми существами.

Потому Бог привел к Адаму животных и птиц. И Адам каждой живой душе дал своё имя.

Скажи мне, пожалуйста, у тебя есть кошка? У меня, когда мне было лет пять-шесть, жил кот. Я его очень любила. Я играла с ним, таскала его за хвост, укладывала спать в детскую кроватку. Он все это героически терпел весь день, но когда возвращалась с работы моя мама и открывала чуть слышно дверь в прихожей, кот стремглав бросался к ней, и уже не покидал маму до самого вечера. Потому что мама была его хозяйкой, она за ним ухаживала, его кормила, и именно она придумала назвать его Тишей.

Ведь право дать имя, наречь кого-то, — это еще и ответственность быть хозяином этому существу.

Адам в раю нарёк каждое животное и каждую птицу на этой земле, каждой он дал своё неповторимое имя. И, знаешь, многие, из этих имен до сих пор сохранились. И даже в разных языках, кот, например, звучит, очень похоже (Cat(eng), chat(fr), gatto(it), kater(de)).

Так, Адам стал хозяином всех животных и птиц.

Омилия.орг

ПРАВОСЛАВИЕ И РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА

Икона в поэзии и прозе Лермонтова

15 октября исполнилось 200 лет со дня рождения великого русского поэта и писателя Михаила Юрьевича Лермонтова, одного из самых загадочных классиков нашей литературы.

Тонкий художник слова, Лермонтов был глубоким мыслителем размышлявшим над вопросом, который мало кого занимал в те годы, став актуальным лишь много позже: тьма и свет в душе человека. Всего более интересовала писателя духовная борьба: противостояние христианской мистики и антихристианского демонизма. Вопрос о преобладании у Лермонтова того или другого из этих двух основных направлений ставился всегда — со времен Белинского, который признался, что ценит в произведениях Лермонтова и вообще в словесности «демонский полет — с небом гордую вражду». Мысль о богоборчестве Лермонтова преобладала и в советском лермонтоведении. Однако всегда существовала и прямо противоположная точка зрения, согласно которой творчество Лермонтова было христианско-мистическим. Известный историк В.О. Ключевский писал: «Поэзия Лермонтова... близко по-

дошла к... национально-религиозному настроению, и его грусть становилась художественным выражением того стиха-молитвы, который служит формулой русского религиозного настроения: да будет воля Твоя. Никакой христианский народ своим бытом, всею своею историей не прочувствовал этого стиха так глубоко, как русский, и ни один русский поэт доселе не был так способен глубоко проникнуться этим народным чувством и дать ему художественное выражение, как Лермонтов».

В одном все исследователи творчества поэта сходятся однозначно: Лермонтов воспитывался в глубоко религиозной семье, имел опыт молитвы, хорошо знал Священное Писание, его поэзия наполнена библейскими аллюзиями, некоторые его стихотворения являются переработкой библейских сюжетов, многие эпиграфы взяты из Библии.

Кроме того, пожалуй, ни один русский поэт не оставил после себя столько стихотворений-молитв, а слова «икона» и «образ» употребляются в его произведениях более 40 раз.

Михаила Юрьевича Лермонтова воспитывала, как известно, бабушка Е.А.Арсеньева, которая отличалась особым

благочестием. Вместе с ней поэт с детства посещал храмы и монастыри. В романе «Вадим» Лермонтов описал Нижнемоловский Казанский Богоро-

дицкий монастырь Пензенской губернии. Он был основан в середине XVII века казаком Алексеем Набоковым, которому явилась икона Казанской

Церковь Архистратига Михаила, в Тарханах

Божией Матери. В монастыре хранились две чудотворные иконы — упомянутая Казанская и образ св. Иоанна Крестителя. В монастыре было четыре храма, управлял им архимандрит, келию которого также описывает Лермонтов.

С бабушкой и кузинами (Е.А. Сушковой и А.М. Врещагиной) Лермонтов посещал Троице-Сергиеву Лавру, он видел Звенигородский монастырь, Ново-Иерусалимский Воскресенский монастырь патриарха Никона и немало других обителей не только в России, но и в Грузии. Во всех храмах и монастырях он, конечно, не раз стоял перед чудотворными иконами и иконостасами.

В 1826 году Е.А.Арсеньева задумала снести старую деревянную церковь в честь святителя Николая, построить в Тарханах новую каменную и освятить ее во имя архангела Михаила, небесного покровителя покойного мужа и малолетнего внука, названного в свое время по ее настоянию Михаилом. Чтобы выхлопотать разрешение на постройку ей не раз приходилось ездить с внуком в Нижнеломовский монастырь.

О том, какие иконы окружали Лермонтова в детстве, можно судить по поздним воспоминаниям П.К. Шугаева (1855-1917). Он пишет: «Тот образ Спаса Нерукотворенного, коим когда-то Елизавета Алексеевна была благословлена еще ее дедом, которому она ежедневно молилась о здравии Мишеньки, когда она узнала о его смерти, она приказала отнести в большую каменную церковь (Архангела Михаила. — В.Л.). В большой каменной церкви этот образ сохранился и поныне; ему, говорят, самое меньшее лет триста». Можно быть уверенным, что перед этим образом молилась не только бабушка, но и ее маленький внук. Возможно, в романе «Вадим» Лермонтов описывает именно эту икону Нерукотворного Спаса, художественно переместив его из бабушкиной образной в храм еще до того, как это случилось в действительности.

Из воспоминаний Шугаева можно узнать и другие подробности об этой иконе: «В этой-то церкви и имеется тот образ Спаса Нерукотворенного, возле клироса на правой стороне, в высоту и ширину немного менее одного аршина, замечательной древней живописи и в не менее оригинальной и замечательной серебряной ризе, внизу которого золотыми буквами значится надпись на древнегреческом языке, в переводе означающая: "Святой с нами Бог"».

В том же храме, как вспоминает Шугаев, «в алтаре, на правой стороне, имеется образ Василия Великого замечательно древней художественной работы, но без ризы, прежде принадлежавший, как мне передавали, еще отцу Михаила Васильевича Арсеньева, также пожертвованный Елизаветой Алексеевной Арсеньевой. Около левого клироса есть образ апостола Андрея Первозванного, без ризы, весьма древней и замечательной живописи, тоже пожертвованный Елизаветой Алексеевной».

Ранее бабушка поэта построила в Тарханах другую церковь, освященную в честь преп. Марии Египетской — покровительницы своей безвременно умершей дочери, матери Миши. Она была воздвигнута на месте проданного на слом барского дома Арсеньевых, в котором умерли дед и мать Лермонтова. Шугаев сообщает: «В этой церкви есть также замечательные иконы, писанные итальянскими художниками».

Итак, в детстве Лермонтова окружали древние иконы греческого и русского письма, а в храме прп. Марии Египетской он мог постоянно видеть и итальянские работы.

Икона встречается в творчестве Лермонтова и в самых ранних произведениях, и в поздних. Согласно нашим подсчетам, слово «икона» встречается в его произведениях 7 раз, слово «иконостас» — 1 раз; слово «образ» в значении икона — 21 раз, 1 раз встречается слово «образок»; 5 раз встречается слово «оклад»; 8 раз можно найти слово «риза» в значении иконного оклада; 1 раз — кивот. Можно обратить внимание и на слова, косвенно связанные с иконой, например, — «лампада». Это слово встречается у Лермонтова 36 раз, а в форме «лампадка» еще 5 раз. Очевидно, что упоминая лампаду, поэт видит перед собой и икону.

Как и многие другие русские поэты и писатели, Лермонтов часто описывает красный угол. Наиболее лирично и вместе с тем глубоко это сделано в знаменитом стихотворении «Ветка Палестины».

Заботой тайною хранима
Перед иконой золотой
Стоишь ты, ветвь Ерусалима,
Святъни верный часовой!
Прозрачный сумрак, луч лампады,
Кивот и крест, символ святой...
Всё полно мира и отрады
Вокруг тебя и над тобой.

Лермонтова вдохновил красный угол в доме А.Н. Муравьева, который привез пальмовые ветви из своего путешествия по святым местам. В углу горит лампада, от которой по комнате разливается прозрачный сумрак, столь способствующий молитве. Это зрительное впечатление. Но из красного угла веет также миром и отрадой, а это уже состояние души. Красный угол призывает на молитву. Ветвь напоминает о Палестине, о Входе Господнем в Иерусалим, о Боге, о молитве; кроме того она сама — «заботой тайною хранима», т.е. святостью места, из которого происходит,

и заботой Самого Спасителя. Она как бы говорит, что источник мира и отрады не в самой ветви, а в Боге, о котором она напоминает. Характерно, что ветка Палестины и описывается поэтом как хранилище, «часовой» красного угла.

Заметим, что «Ветка Палестины» связана еще с одним стихотворением, которое написано примерно тогда же и во всех изданиях стихотворений поэта следует непосредственно за ней. Это «Узник», в котором третья заключительная строфа звучит так:

Одинок я — нет отрады:
Стены голые кругом,
Тускло светит луч лампы
Умирающим огнем;
Только слышно: за дверями,
Звучномерными шагами,
Ходит в тишине ночной
Безответный часовой.

Приведенную строфу можно рассматривать как анти-тезу двум последним строфам «Ветки Палестины». Там — отрада, здесь — нет отрады; там луч лампы несет мир, здесь — он тускло светит, умирает; там полнота бытия и связь со святыней, здесь — одиночество.

Иконы и заботливо устроенный красный угол — не просто обязательная примета дома благочестивого православного человека, но духовное окно в небеса. Поэтому при новоселье в дом входили с иконой и сразу же помещали ее в красный угол. Без иконы комната выглядит нежилой. И Лермонтов не забывает упомянуть об этом назначении икон. В поэме «Боярин Орша» герой после долгих лет отсутствия возвращается домой. Поэт так описал это:

И он узрел свой старый дом.
Покои темные кругом
Уставил златом и серебром;
Икону в ризе дорогой
В алмазах, в жемчуге, с резьбой
Повесил в каждом он углу...

Как видим, первым делом боярин поставил в каждом углу (имеется в виду — в каждой комнате) иконы. Это и знак благополучного возвращения, и знак обжитого, освященного пространства, и место для молитв, и знак покровительства и заступничества Божия.

В ранней поэме «Литвинка» иконный мотив играет другую роль. Если в «Боярине Орше» иконы являются символом возрождения жизни в доме, в «Литвинке» — угасания. Вот что происходит с домом главного героя Арсения после его смерти:

И опустел его высокий дом,
И странников не угощают в нем;
И двор зарос зеленою травой,
И пыль покрыла серой пеленой
Святые образа, дубовый стол
И пестрые ковры!..

Красный угол «живет» только тогда, когда там совершается молитва. Иконы, покрытые слоем пыли, без горящей перед ними лампы — символ отсутствия жизни, в том числе и духовной. В «Герое нашего времени» Лермонтов отметил не заброшенность красного угла, а его отсутствие. В «Тамани» от имени Печорина он пишет: «Я взошел в хату: две лавки и стол, да огромный сундук возле печи составляли всю ее мебель. На стене ни одного образа — дурной знак!». Итак, отсутствие в доме икон — дурной

знак. Он указывает на неверие хозяев, он представляет скрытую угрозу для постояльца.

Главное назначение иконы — напоминать о Боге и призывать на молитву. У Лермонтова был опыт личной молитвы перед иконой и этот опыт не раз выливался в поэтические свидетельства. Приведем начало стихотворения «Молитва» (1837 г.):

Я, Матерь Божия, ныне с молитвою
Пред Твоим образом, ярким сиянием,
Не о спасении, ни перед битвою,
Не с благодарностью иль покаянием...

Отметим только одну особенность иконы, к которой припадает лирический герой: она в ярком сияющем окладе. Сияющий оклад указывает на золото, говорит о благочестии и богатстве хозяев, но главное — указывает на отношение к иконам, ведь оклады со временем темнеют от копоти свечей и лампад, и время от времени их надо чистить, полировать, чтобы они горели и сияли. Риза иконы Богородицы, перед которой молится поэт или его лирический герой, заботливо начищена до блеска.

Как известно, иконы брали с собой в путь, а потому существовали специальные походные иконы и даже целые иконостасы. Поэтому в «Казачьей колыбельной песне» (1838-1840 гг.) появились такие строфы:

Дам тебе я на дорогу
Образок святой:
Ты его, моляся Богу,
Ставь перед собой...

**Церковь Марии Египетской,
в усадьбе Лермонтова**

Напомним, что походные иконы у казаков были обязательной приметой благочестия. В «Тарасе Бульбе» Гоголь заставил мать Остапа и Андрия дважды благословить их разными иконами.

Икона у Лермонтова «участвует» в семейной жизни, она охраняет, вдохновляет, предсказывает. В «Песне о купце Калашникове» герой приходит вечером домой после неудачной торговли и видит: «А свеча перед

образом еле теплится». Здесь мы опять видим мотив заброшенной иконы. В данном случае потухающая перед иконой свеча становится символом разрушающейся семьи. Когда жена с опозданием возвращается домой, Калашников упрекает ее:

Не на то пред святыми иконами
Мы с тобою жена обручались,
Золотыми кольцами менялся!..

Икона занимала заметное место в свадебном обряде. И здесь оскорбленный купец напоминает жене, что они обручились перед святыми иконами, т.е. выделяет из всего венчального обряда образа-свидетели и обручальные кольца.

В «Вадиме» Лермонтов описывает храмовый иконостас: «Прямой, высокий, вызолоченный иконостас был уставлен образами в 5 рядов, а огромные паникадила, висящие среди церкви, бросали сквозь дым ладана таинственные лучи на блестящую резьбу и усыпанные жемчугом оклады; задняя часть храма была в глубокой темноте; одна лампада, как запоздалая звезда, не могла рассеять вокруг тяготеющие тени...» . Речь идет о классическом русском пятирядном иконостасе. Лермонтов отмечает усыпанные драгоценными камнями оклады, таинственный свет свечей в паникадилах, темноту и тени в дальней части храма возле притвора. Особое внимание писателя и его героев привлекает одна икона: «Направо, между царскими и боковыми дверьми, был Нерукотворный образ Спасителя удивительной величины; позолоченный оклад, искусно выделанный, сиял как жар, и множество свечей, расставленных на висящем паникадиле, кидали красноватые лучи на возвышающиеся части мелкой резьбы или на круглые складки одежды; перед самым образом стояла железная кружка, — это была милость у ног Спасителя, — и над ней внизу образа было написано крупными, выпуклыми буквами: приидите ко Мне вси труждающиеся и Аз упокою вы! Многие приближались к образу и, приложившись после земляного поклона, кидали в кружку медные деньги, которые, упавая, отдавали глухой звук».

Возле святой иконы Вадим внезапно видит сестру: «Не заметив брата, Ольга тихо стала перед образом, бледна и прекрасна... Большие глаза ее были устремлены на лик Спасителя, это была ее единственная молитва, и если б Бог был человек, то подобные глаза никогда не молились бы напрасно. Перекрестясь, она приложилась; яркая риза на минуту потускнела от девственного дыханья». В этом отрывке Лермонтов описал безмолвную молитву, молитву без слов. Со всей силой веры Ольга приступила к Спасителю и только смотрела на Него умоляюще. Он знал, что творится в ее сердце и слова были не нужны. Привлекает внимание и тонко подмеченная деталь: начищенная до блеска золотая риза на миг запотеваает от дыхания.

Нельзя не обратить внимания еще на одну особенность изображения иконы у Лермонтова: перед образом всегда горит лампада.

В стихотворении «Сосед» («Погаснул день на вышинах небесных...»), написанном за шесть лет до «Ветки Палестины» и «Узника», лирический герой из своей темницы наблюдает за жизнью соседа напротив:

Могу заметить я, в его окне
Блестит огонь; его простая келья
Чужда забот и светского веселья,
И этим нравится он мне.
Прохожие об нем различно судят,
И все его готовы порицать,

Но их слова соседа не принудят
Лампаду ранее иль позже зажигать.
И только я увижу свет лампы,
Сажусь тотчас у своего окна,
И в этот миг таинственной отрады
Душа моя мятежная полна...

В этом стихотворении ни иконы, ни оклады даже не упоминаются, но ясно, что сосед зажигает лампы перед образами для вечерней молитвы. Поэт называет комнату соседа келией, и именно свет лампы из чужой келии шлет «таинственную отраду» душе. И здесь, и позже в «Ветке Палестины» и «Узнике» слово «отрада» рифмуется поэтом со словом «лампада». И, конечно, не только по созвучию, но и по причине внутренней взаимосвязи между горящей лампадой перед иконой и состоянием души.

В драме «Menschen und Leidenschaften» Марфа Ивановна трижды прибегает к помощи икон. Когда пришла беда и начались нестроения в семье, она удивляется, что все вроде делала правильно, чтобы избежать беды: «...Ставила фунтовую свечу каждое воскресенье, всем святым поклонялась», т.е. прикладывалась к иконам святых. Но беда все же пришла. Марфа Ивановна у Лермонтова как бы не подозревает, что доходчивость молитвы к Богу не зависит от толщины свечи. Позже, узнав об отъезде внука, она надеется поддерживать с ним духовную связь через молитву: «Я буду без него молиться, всякое воскресенье ставить толстую свечу перед Богоматерью, поеду в Киев...» Здесь отметим некоторые моменты: обещание ставить толстую свечу, такую форму жертвы, как паломничество. После ссоры с внуком Марфа Ивановна хочет отомстить ему и зятю и опять обращается за помощью к иконам: «Мать Богородица и святые угодники — простите мне... поеду в Киев, половину имения отдам в Церковь, всякое воскресенье 10-фунтовую свечу перед каждым образом ставяю... только теперь помогите отомстить...» . В этих трех маленьких эпизодах ярко показаны особенности веры в Бога Марфы Ивановны: во-первых, она заранее просит прощения у святых за свое намерение отомстить, т.е. фактически просит благословения на грех; во-вторых, в ее представлении жертва как бы автоматически должна принести желаемый результат; в-третьих, жертва ее нарастает, но только чисто количественно: тут и паломничество, и жертва половины имения на Церковь, и увеличение веса и толщины свечи (от фунтовой свечи в начале драмы до 10-фунтовой). О молитве в рассуждениях Марфы Ивановны нет ни слова. В этом образе Лермонтов показал обрядовое: человек полагается не на молитву, а на толщину свечи; не на покаяние, а на дальнейшее паломничество (на сам факт такого паломничества). В таком отношении к Богу есть что-то от язычества, ведь Марфа Ивановна просит помощи в своем намерении отомстить у Того, Кто сказал: «У Меня отмщение и воздаяние» (Втор. 32: 35).

Можно утверждать, что икона в творчестве поэта заняла заметное место. Упоминаний об иконах не так много количественно, но во всех эпизодах, в которых поэт пишет об иконе, она становится ключом для их понимания. Другие же иконы стали источником вдохновения для поэта, и без них некоторые стихотворения и отдельные строки просто не могли бы быть написаны, а ныне верно истолкованы. Наконец, икона оказала влияние на красочную гамму его произведений.

Валерий ЛЕПАХИН,
доктор филологических наук (Сегед, Венгрия)
<http://palomnic.org>

М. Лермонтов

*И в небесах я вижу Бога!....**Ангел*

По небу полуночи Ангел летел
И тихую песню он пел.
И месяц, и звезды, и тучи толпой
Внимали той песне святой.

Он пел о блаженстве безгрешных духов
Под крышами райских садов.
О Боге Великом он пел, и хвала
Его непритворна была.

Он душу младую в объятиях нес
Для мира печали и слез,
И звук его песни в душе молодой
Остался без слов, но живой,

И долго на свете томилась она
Желанием чудным полна,
И звуков небес заменить не могли
Ей скучные песни земли.
1831

Когда волнуется желтеющая нива,
И свежий лес шумит при звуке ветерка,
И прячется в саду малиновая слива
Под тенью сладостной зелёного листка;

Когда росой обрызганный душистой,
Румяным вечером или утра в час златой
Из-под куста мне ландыш серебристый
Приветливо кивает головой;

Когда студеный ключ играет по оврагу
И, погружая мысль в какой-то смутный сон,
Лепечет мне таинственную сагу
Про мирный край, откуда мчит он:

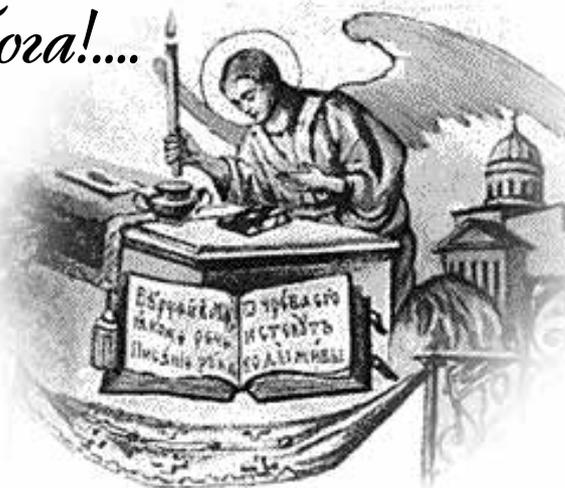
Тогда смиряется души моей тревога,
Тогда расходятся морщины на челе,
И счастье я могу постигнуть на земле,
И в небесах я вижу Бога!....
1837

Молитва

В минуту жизни трудную
Теснится ль в сердце грусть,
Одну молитву чудную
Твержу я наизусть.

Есть сила благодатная
В созвучьи слов живых,
И дышит непонятная,
Святая прелесть в них.

С души как бремя скатится,
Сомненье далеко —
И верится, и плачется,
И так легко, легко...
1839

Молитва странника

Я, Матерь Божия, ныне с молитвою
Пред Твоим образом, ярким сиянием,
Не о спасении, не перед битвою,
Не с благодарностью или покаянием,

Не за свою молю душу пустынную,
За душу странника в мире безродного;
Но я вручить хочу деву невинную
Теплой Заступнице мира холодного.

Окружи счастьем душу достойную;
Дай ей спутников, полных внимания,
Молодость светлую, старость покойную,
Сердцу незлобному мир упования.

Срок ли приблизится часу прощальному
В утро ли шумное, в ночь ли безгласную -
Ты воспринять пошли к ложу печальному
Лучшего ангела душу прекрасную.
1837

Есть время...

Есть время - леденеет быстрый ум;
Есть сумерки души, когда предмет
Желаний мрачен; усыпление дум;
Меж радостью и горем полусвет;

Душа сама собою стеснена,
Жизнь ненавистна, но и смерть страшна -
Находишь корень мук в себе самом
И небо обвинить нельзя ни в чем.

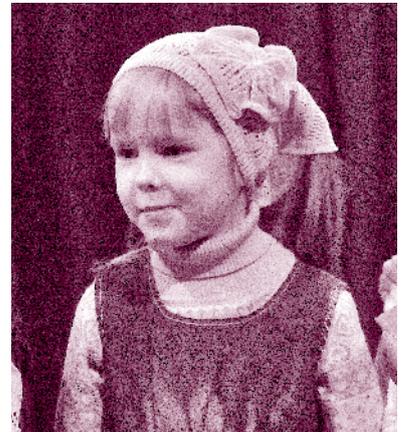
Я к состоянью этому привык,
Но ясно выразить его б не мог
Ни ангельский, ни демонский язык:
Они таких не ведают тревог;

В одном все чисто, а в другом все зло.
Лишь в человеке встретиться могло
Священное с порочным. Все его
Мученья происходят оттого.
1831

Детский фестиваль «С Богом!»

Воскресной школе Александрo-Невского собора прошел второй этап фестиваля «С Богом!» (памяти Алексея Романова), организованного Центром творческого развития детей и взрослых «Артис» совместно с Барнаульской епархией. Воспитанники нашей школы представили на конкурс выставку работ изостудии, музыкальные номера, мини-спектакль театральной студии «Благовест». Все конкурсанты были награждены не только дипломами, но и получили ценные призы, за что особая благодарность организаторам конкурса. Участники фестиваля с нетерпением ждут завершения фестиваля — заключительного Гала-концерта и итоговой выставки произведений изобразительного и декоративно-прикладного творчества.

Фоторепортаж
Н. Кимайкиной